

DOI: 10.46698/VNC.2026.99.60.012

СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНОГО ЛАНДШАФТА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 1920–1930-Е ГГ.

Б.А. Синанов

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭА РАН, тема НИР: «Динамика идентичностей и культур населения России: академические и прикладные социально-антропологические исследования»

В статье анализируется структура, особенности и динамика церковно-административной ситуации в 1920-1930-е гг. в пределах современной Северной Осетии. В начале 1920-х гг. в атмосфере атеистической политики государства и массовых антирелигиозных кампаний происходит ослабление церковного единства, выразившееся в появлении двух основных течений, в церковно-исторической литературе именуемых обновленческой церковью (либеральной) и патриаршей (консервативной). Их взгляды и действия различались в вопросах отношения к советской власти, форме высшего церковного управления, брачного епископата, второбрачия духовенства и т.д. Внутрицерковные нестроения активно поддерживались государственно-силовыми структурами, сделавшими ставку на обновленчество. Значительных масштабов обновленческое движение в 1920-1930-е гг. достигло на Юге России и Северном Кавказе, где в 1924 г. была образована обновленческая Северо-Кавказская (Кавказская) митрополия, в состав которой вошли Владикавказская и Пятигорская (Терская) епархии. Церковные полномочия двух указанных обновленческих епархий распространялись на территорию современной Северной Осетии. Как показано в исследовании, религиозный ландшафт региона не ограничивался обновленческой юрисдикцией и вкраплениями патриаршей сергиевской Церкви, приходы которой продолжали существовать на полулегальной и нелегальной основе. Материалы Государственного архива Российской Федерации, отражающие борьбу верующих Грузинской церкви святой равноапостольной Нины и Греческой церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы г. Владикавказа против закрытия храмов, помогают более полно представить разнообразие канонических форм подчинения в регионе. Важным эпизодом борьбы двух общин верующих за сохранение своих храмов является обращение за помощью не только к высшим светским, но и к высшим церковным властям – каталикосу-патриарху Грузии и представителю Константинопольского патриарха в СССР. В контексте указанного факта в статье проанализированы и межправославные отношения, помогающие раскрыть сложность и противоречивость церковного вопроса в Русской Церкви и отношения к нему других Поместных Православных Церквей.

Ключевые слова: Северная Осетия, Владикавказ, Русская Православная Церковь, обновленчество, Патриаршая Церковь, Грузинская церковь святой Нины, Греческая Успенская церковь, Грузинская Православная Церковь, Константинопольский Патриархат.

Для цитирования: Синанов Б.А. Структура и особенности церковно-административного ландшафта Северной Осетии в 1920–1930-е гг. // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 60 (99). С. 38-52. DOI: 10.46698/VNC.2026.99.60.012

Поступила в редколлегию: 25.04.2026 г.

Принята к публикации: 15.06.2026 г.

В церковно-исторической литературе утвердилось представление о Владикавказской епархии как епархии, «оказавшейся во главе обновленческого движения на юге России» [1; 2]. Действительно, православное духовенство и верующие Северной Осетии в значительной степени были вовлечены в обновленческое движение. Еще в апреле 1917 г. на проходившем во Владикавказе Съезде духовенства и мирян было

принято решение дать новое название «Владикавказским епархиальным ведомостям» – «Владикавказское церковное обновление» [3, 1-14], и хотя в понятие «обновление» тогда не вкладывался радикальный идеологический смысл, общие настроения большинства церковного общества были четко обозначены.

В то же время актуальной научной задачей, как с точки зрения фундаментальной науки, так и в прикладном плане, представляется уточнение канонической принадлежности тех или иных храмов и духовенства, располагавшихся на территории современной Северной Осетии в период внутрицерковных расколов. Знакомство с архивными материалами, в том числе отражающими процесс борьбы верующих против закрытия храмов, позволяет проследить динамику церковно-административного ландшафта Северной Осетии в 1920–1930-е гг. и помогает уточнить юрисдикционную принадлежность православных приходов и священнослужителей.

Одним из ярких и сложных эпизодов государственно-церковных отношений, непосредственно связанных с обновленческим расколом в Русской Православной Церкви (РПЦ), является реализация декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей для передачи их в фонд помощи голодающим. 10 марта 1922 г. в Горской АССР под председательством народного комиссара финансов К.К. Борукаева состоялось первое заседание «Организационного собрания по изъятию церковных ценностей», а через шесть дней приказом Горского ЦИК была образована комиссия по изъятию ценностей из церковных имуществ [4, 25-28].

16 мая в столице Горской республики г. Владикавказе был дан официальный старт кампании по изъятию церковных ценностей. Всего за несколько дней из культовых сооружений города, подавляющее большинство которых принадлежало РПЦ, было изъято золото, серебро и драгоценные предметы общим весом 11 пудов, 25 фунтов, 32 золотника и 91 доля (190,5 кг).

Секретные сводки Горского политического отдела не сообщают о каких-либо значительных акциях сопротивления изъятию ценностей. Но, тем не менее, отмечалось, что имелись отдельные личности из духовенства и верующих, выступавшие против изъятия: «Противниками изъятия ценностей из среды верующих в большинстве случаев выявлялись лица из бывшего буржуазного общества, часть интеллигенции, бывшее дворянство, некоторое офицерство и старухи-кликуши» [5, 154-162об.].

На фоне этих событий в мае-июне 1922 г. была развернута деятельность по вовлечению духовенства в ряды «Живой Церкви», в т.ч. с помощью обмана или ГПУ. На страницах газеты «Горская правда» в июне 1922 г. началась агитационная кампания в пользу раскола Церкви [2, 83].

17 августа появилось обращение лидеров «Живой Церкви» к духовенству Горской республики с призывом к расколу. Советские агитаторы в прессе заявляли о необходимости для духовенства сделать выбор между «темным прошлым» и «светлым будущим». Во Владикавказской епархии начались действия по непосредственной организации обновленческого раскола.

В августе 1922 г. епископ Владикавказский Макарий (Павлов) самовольно оставил Владикавказскую кафедру и переселился в г. Пятигорск, основав местную группу «Живой Церкви». Именно с этого момента можно считать состоявшимся его уклонение в обновленческий раскол, а Владикавказскую кафедру вдовствующей.

На территории Горской части Владикавказской и Моздокской епархии развернулось противостояние нескольких церковных групп. В Северной Осетии, лишенной церковного руководства, 20 августа состоялось заседание духовенства благочиния, на котором священники А.Ф. Базилевич и Никольский выдвинули предложение при-

знать власть обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ) и создать местную ячейку «Живой церкви», заявив о лояльности советской власти. Важно отметить, что в среде горского духовенства наблюдались две тенденции: с одной стороны растерянность, сложность выбора между обновленческим ВЦУ и предложением митрополита Агафангела (Преображенского) не признавать никакой церковной власти за исключением патриарха Тихона до созыва Поместного собора; с другой стороны – автономистские тенденции, стремление образовать собственную Горскую или даже Осетинскую епархию. В итоге заседание духовенства благочиния от 28 августа 1922 г. постановило не принимать ни одну из сторон до получения более точной информации о внутрицерковных процессах. Тогда же в августе 1922 г. было организовано Временное церковное управление Владикавказской епархии во главе с протоиереем Иосифом Ореховым [2, 84-85].

Для решения проблем церковной жизни 25 октября 1922 г. во Владикавказе состоялся общепархиальный съезд духовенства и мирян. Основными вопросами стали проблемы выделения Горской епархии и избрания епископа, обновленчества и реформы Церкви. Съезд постановил образовать Владикавказскую епархию, отделив от Пятигорской территории Горской, Кабардинской и Дагестанской республик. Епархиальным архиереем был избран вдовый протоиерей Александр Малиновский. Епископскую хиротонию было решено принять от архиереев Патриаршей Церкви. Были избраны члены епархиального управления, а также произведено разделение новообразованной епархии на благочиннические округа: шесть округов в Северной Осетии, Кабардинский, Ингушский, Чеченский и Дагестанский [2, 86].

В связи с серьезным поворотом североосетинского духовенства к Патриаршей Церкви местные органы советской власти вынуждены были пойти на крайние меры. В ноябре 1922 г. был арестован избранный во епископа протоиерей Александр Малиновский. Вероятно, вскоре священник А. Малиновский был отпущен, но в конце января 1923 г. уже он сам под давлением власти был вынужден пойти на признание обновленческого ВЦУ, мотивируя этот шаг желанием сохранить в мире православное духовенство. Священниками Коробовым, Ивановым и Окладновым во Владикавказе был организован комитет «Живой церкви». Было разрешено образовывать кружки ревнителей обновленчества. В ВЦУ был сделан запрос о программе церковного устройства [2, 88].

Учитывая, что в январе 1923 г. состоялся переход самообразованного Владикавказского епархиального управления в обновленчество, исследователи делают вывод о расколе обновленчества на Тереке на два основных направления: Пятигорское (обновленческие епископы Макарий (Павлов) и Александр (Шубин), посвященный во епископа будучи в браке) и Владикавказское (избранный во епископа вдовый протоиерей А.П. Малиновский), отличавшиеся своим отношением к обновленческому ВЦУ и церковным реалиям первой половины 1920-х гг. [2, 88-89].

Окончательная институционализация обновленческого раскола на Ставрополье и Тереке произошла только в 1922-1924 гг. в зависимости от региональных общественно-политических и религиозных особенностей. В регионе сформировались три основных обновленческих центра (Ставрополье, район Кавказских минеральных вод и Северная Осетия), имевших свои особенности институционализация и сложившихся форм обновленческого движения [2, 93].

На продолжающуюся борьбу тихоновцев и обновленцев в ряде регионов центральной и южной части страны обращается внимание в совершенно секретных информационном докладах ОГПУ СССР, направлявшихся высшему руководству стра-

ны и лично И.В. Сталину. Так, в конце 1924 г. в Горской республике отмечалось «некоторое усиление обновленчества за счет тихоновщины» [6].

Несмотря на сворачивание поддержки обновленцев государственной властью в 1923-1926 гг., на Северном Кавказе местные органы советской власти продолжали оказывать свое покровительство обновленческому течению. К началу 1926 г. года в Северо-Осетинской автономной области Северо-Кавказского края (СКК) действовал 31 обновленческий храм и служило 62 священнослужителя, в Терском округе – 10 храмов и 26 священнослужителей, в Ставропольском округе – 22 храма и 70 священнослужителей, в Карачаево-Черкесской автономной области – 9 храмов и 21 священнослужитель, в Кабардино-Балкарской автономной области – 9 храмов и 13 священнослужителей, в Чеченской автономной области – 9 храмов и 12 священнослужителей [2, 151].

Священник Александр Пантюхин, анализируя архивные документы, отмечает, что в Ставропольском и Терском округах СКК еще до 1926 г. произошел крутой перелом в пользу Патриаршей Церкви. На 1 января 1926 г. в Ставропольском округе действовало 133 канонических храма, а в Терском – 111. В то же время в национальных автономных областях православные храмы Патриаршей юрисдикции практически отсутствовали: 2 храма действовали в Карачаево-Черкесии и 1 в Северной Осетии, также в Чечне находились 4 безместных священника [2, 151].

В материалах обзора политического состояния СССР к началу 1925 г. в очередной раз отмечаются «значительные укрепления позиций обновленцев» в ряде регионов юга страны, в том числе во Владикавказе. Причиной такого положения в докладах ОГПУ называется выдвигающийся обновленцами «вопрос о примирении» с тихоновцами и «подготовительных работах к созыву собора». Отмечается, что «на местах обновленцы становятся “апостолами” примирения и в выпущенных воззваниях призывают к ликвидации раскола». Делается вывод, что «примирительная позиция обновленцев в ряде районов поднимает их авторитет» [7].

К 1926 г. на Северном Кавказе насчитывалось 9 обновленческих архиерейских кафедр против 3 Патриарших, 2164 священнослужителя, признающих обновленческий Синод и 1916 – патриарших. В Северо-Кавказском крае тогда располагалось 876 обновленческих приходов, что составляло более четверти всех обновленческих храмов Советского Союза. К октябрю число обновленческих храмов увеличилось до 960 за счет закрытия «тихоновских» общин и передачи культовых зданий в руки «синодалов». То есть именно на Северном Кавказе, наиболее зараженном контрреволюционными и «правыми» религиозными идеями, обновленчество насаждалось с особой силой [2, 151].

В середине 1920-х гг. церковная жизнь была чрезвычайно динамичной. Приходы и священнослужители могли по несколько раз переходить от одной юрисдикции к другой. Поэтому любые количественные показатели были актуальны лишь для конкретного момента. Ярким примером подвижности системы церковных подчинений может служить ситуация, произошедшая в октябре 1925 г. в столице Северо-Кавказского края и одновременно обновленческой Северо-Кавказской митрополии – г. Ростове-на-Дону. Недовольство верующих постановлениями 3-го обновленческого поместного собора октября 1925 г. «вылилось в решение перейти всей епархией к тихоновцам». Факт перехода в патриаршую юрисдикцию обновленческого архиепископа Ростовского и Азовского Назария (Андреева), занимавшего пост заместителя председателя Северо-Кавказского краевого митрополитанского церковного управления, был особо отмечен в совершенно секретных сводках ОГПУ [8; 9, 383-384].

В итоге, в 1927 г. в отчете Административного отдела Владикавказского Исполкома отмечалось, что в городе действует 13 православных храмов, из которых 9 принадлежали обновленцам, 1 – Патриаршей Церкви, а еще 3 храма обозначались не по юрисдикционному признаку, а по этно-обрядовому (2 осетинских и 1 грузинский). Уже в 1928 г. в антирелигиозных отчетах «Союза безбожников» указывалось, что в г. Владикавказе «официально существует только обновленческая церковь», несмотря на то, что еще действовали храмы других православных юрисдикций [2, 152].

О сложности и многообразии церковно-административного ландшафта Северной Осетии в этот период можно судить в том числе по документам, отражающим процесс планомерного закрытия храмов, начавшийся в 1928–1930 гг. Осуществляя очередную общесоюзную кампанию по наступлению на Церковь, местная власть в первую очередь инициирует закрытие храмов, которые, по ее мнению, считались домовыми и примыкали к учебным заведениям. К таковым в эти годы были отнесены Грузинская церковь святой Равноапостольной Нины и Греческая церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы города Владикавказа. Обращает на себя внимание сплоченность и инициатива грузинской и греческой религиозных общин, которые направляли многочисленные жалобы во Всероссийский центральный исполнительный комитет с требованием не закрывать храмы.

Важно отметить, что еще 16 августа 1923 г., опираясь на решения XII съезда РКП(б), И.В. Сталин издал циркулярное письмо «об отношении к религиозным организациям» с требованием запретить закрытие церквей и аресты «религиозного характера», так что вплоть до января 1930 г. закрыть храм исходя из решения местных властей было сложно – в каждом случае требовалось согласие Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР [10, 172].

В заявлении членов Совета грузинской религиозной общины г. Владикавказа от 24 августа 1928 г., поданном на имя Председателя ВЦИК с просьбой об отмене постановления Президиума Владикавказского Горсовета от 16 августа 1928 г. о закрытии Грузинской церкви, в частности отмечалось, что в документе Административным отделом церковь названа «домовой» и предлагается «освободить здание Грузинской церкви к 1-му сентября сего года». Президиум Горсовета мотивировал свое решение тем, что помещение, «занятое грузинской домовою церковью, необходимо для расширения грузинской школы» [11, 133]. В своем обращении лидеры общины опровергают «домовой» статус церкви и подчеркивают, что «построена она была на средства прихожан при грузинской школе и всегда была приходской церковью; будучи единственной церковью с богослужением на грузинском языке, она обслуживала самый большой приход, состоящий из многочисленного грузинского населения города Владикавказа». «То обстоятельство, что церковь помещается при здании грузинской школы в близком соседстве с таковой и клубом, не может превратить ее из приходской в домовую, т.к. находится в отдельном изолированном помещении с отдельным входом». Авторы письма священник Георгий Натадзе, Устиния Цеквадзе, Д. Бурдули, В. Одишвили и другие апеллируют к тому факту, что «грузинская религиозная община охватывает около 800 дворов грузинского населения города Владикавказа и является самой большой общиной в городе, т.к. имеет единственную церковь; поэтому и потребность в упомянутой церкви велика». Подчеркивается, что «грузинское население города на 90% состоит из трудящихся и лишать его возможности отправлять религиозные потребности на родном языке нецелесообразно» [12, 190-190об.].

Параллельно владикавказские грузины обратились с письмом к католикосу-патриарху всея Грузии Христофору III (Цицкишвили) (1927–1932). В обращении, со-

ставленном на грузинском языке, храм наравне со школой характеризуется как важная часть культурного и национального очага грузинской общины Владикавказа. Вновь подчеркивался его приходской статус, и указывалось, что, хотя «храм построен в одном углу общего здания, но он совершенно изолирован от школы; не имеет колокольни и звона не бывает здесь, вход имеет со стороны улицы» [11, 133].

Выполняя просьбу прихожан грузинской церкви Владикавказа, католикос-патриарх Христофор III в сентябре 1928 г. дважды обращался в «Священный Синод Российской Православной Кафолической Церкви» (обновленческий). В одном из писем, в частности, содержится «усердная просьба» к «Священному Синоду, в ведении которого находится Владикавказская грузинская церковь, ходатайствовать, перед кем нужно, о возвращении владикавказским грузинам-верующим их приходской церкви, отобрание которой разорит их религиозную жизнь, лишит их возможности слышать Богослужение на родном языке и стеснит их национальные права» [11, 132].

В свою очередь, получив письмо председателя Грузинской Церкви, Священный синод православных церквей в СССР (обновленческий) также ходатайствовал перед ВЦИК о возвращении владикавказским грузинам их приходской церкви, «возлагающих всю надежду на справедливость и милосердие высших органов правительства СССР» [11, 129-130].

Аналогичное постановление Президиума Владгорсовета от 16 августа 1928 г. об освобождении здания, «занятого греческой домовою церковью, необходимое для расширения греческой школы», получил и председатель Общины греческой Успенской церкви Владикавказа И. Бозандов. 4 сентября 1928 г. религиозная община Греческой Успенской церкви также обратилась в Президиум ВЦИК с просьбой об отмене постановления Президиума Владикавказского Горсовета о закрытии церкви. В письме подчеркивалось, что «в г. Владикавказе издавна существует греческая колония, в данное время состоящая из 320 дворов, всего около 1626 душ. Для обслуживания религиозных нужд греческой общины в 1902 году построен храм типа зданий греческих храмов в Турции и Элладе. Храм занимает особое помещение, специально предназначенное для богослужебных целей. Стоящее рядом с ним здание бывшей приходской школы совершенно изолировано от здания храма, хотя промежуток между этими двумя зданиями и приспособлен под коридор». В обращении греческой религиозной общины особо отмечалось, что «здание храма по Нальчинской № 14 имеет ход с Нальчинской улицы, здание школы по улице Ноя Буачидзе № 100, с улицы Ноя Буачидзе». Как и в случае с грузинским храмом святой Нины, верующие указывали на существование разных входов в здания храма и школы. «Никогда храм не был церковью при учебном заведении, не был и церковью домовою, никаких разумных оснований к отнесению нашего храма к домовым церквям не было и нет» [11, 127-129].

Важное замечание, содержащееся в документе, касается характеристики состава прихожан храма и его канонической принадлежности. Так, по классовому составу прихожане храма определялись как «греческоподданные, в подавляющей массе трудящиеся – пролетариат, многие члены Профсоюзов». При этом община, согласно своему уставу, «находится в ведении Константинопольского Патриарха через его Московского Представителя» [11, 128].

В свою очередь представитель Константинопольского патриарха в СССР, настоятель Константинопольского подворья в Москве архимандрит Василий (Димопуло [Димопулос]) (1924–1934) уже 25 августа 1928 г. был извещен Советом греческой общины о случившемся [12, 173]. В тот же день им было направлено заявление в Секретариат ВЦИК СССР с ходатайством о приостановлении действия постановления

Владикавказского горсовета, так как «таковое лишает многочисленное тамошнее греческое население исполнения своих религиозных обрядов» [12, 175].

Многочисленные жалобы во ВЦИК как грузинской, так и греческой религиозных общин отсрочили, но не отменили решение Владикавказского горсовета, подтвержденное Северо-Кавказским Краевым Исполнительным комитетом в Ростове-на-Дону. Так, в конце 1928 г. архимандрит Василий в очередном обращении на имя Заместителя Председателя ВЦИК П.Г. Смидовича отмечал, что решение о закрытии храма «вообще является первым случаем закрытия греческой церкви и при том по неосновательным причинам, так как греческие жители не могут признать серьезно обоснованным решение Горсовета, занимающего греческую церковь, под расширение греческой же школы, где учатся их дети» [11, 134-135].

6 января 1929 г. религиозная община Греческой Успенской церкви Владикавказа направила очередное обращение в Президиум ВЦИК с приложением протокола общего собрания «представителей почти всех дворов греческой колонии», где вновь подчеркивалось, что «сохранение церкви является насущным вопросом для всех владикавказских греков» [12, 157-162]. Судя по приложенным к протоколу подписям, в собрании приняли участие 270 «дееспособных граждан».

Исходя из того факта, что большинство прихожан Греческого храма являлось подданными Греции, 4 января 1929 г. Совет общины обратился к Греческой миссии в СССР (посольству). Подробно описав суть сложившейся ситуации, верующие просили «не отказать принять зависящие меры и уведомить нас о последующем» [12, 139-139об.]. В свою очередь Греческая миссия «при вербальной ноте» ходатайствовала во 2-й Западный отдел Народного комиссариата по иностранным делам «об отмене решения о закрытии церкви и о выдаче разрешения на продолжение ее деятельности на основе закона» [12, 136].

Несколькими месяцами позднее, в марте 1929 г. уже Совет общины Грузинской церкви направил обращение прокурору РСФСР с жалобой на действие Владикавказского горсовета и на «не разрешение дела» во ВЦИК, обращаясь с просьбой «защиты и срочного распоряжения» [12, 180].

Несмотря на все усилия грузинской и греческой религиозных общин, их многочисленные жалобы и обращения к советским властям и церковным иерархам, 19 мая 1930 г. член Президиума ВЦИК П.Г. Смидович своей телеграммой извещал Северо-Кавказский Крайисполком, что «Президиум ВЦИКа отклонил просьбу верующих о пересмотре Вашего постановления от 20 ноября [19]28 г. о закрытии в г. Владикавказе Грузинской и Греческой церквей». [11, 150] Постановление вступало в законную силу, о чем следовало объявить «заинтересованной группе верующих».

Таким образом, постановление Президиума Северо-Кавказского Крайисполкома о закрытии церквей, состоявшееся 20 ноября 1928 г., было мотивировано тем, что «обе церкви находятся под одной крышей со школами, а так как школы не вмещают всех учащихся, рабочие и служащие города потребовали передачи церковных зданий для расширения школ». Кроме того, отмечалось, что «в городе имеется 13 церквей обновленческих, из которых две АдмОтделом будут предоставлены верующим взамен закрываемых церквей» [11, 149].

Но даже решение высших советских органов не сломило активности верующих, продолжавших весь 1930 г. бороться за свои храмы. Так, 17 октября 1930 г. в телеграмме Президиума ВЦИК в Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет отмечалось, что после закрытия Греческой и Грузинской церквей г. Владикавказа «по настоящее время во ВЦИК продолжают поступать заявления от указанных религиоз-

ных общин о том, что им не только не предоставили обещанных молитвенных домов, но и категорически в этом отказывали» [11, 153].

В 1931 г. греческой религиозной общине все же предоставили помещение для богослужений, функцию православного храма стал выполнять бывший молитвенный дом Секты субботников (иудействующих). Он располагался на соседней с Успенским храмом улице Триандофиллова и годом ранее постановлением Президиума Горсовета был закрыт для последователей секты [13, 24].

На новом месте греческая религиозная община просуществовала до конца 1937 г. В этом году на Пасху храм был переполнен, богослужения в Греческой церкви посетили от 800 до 1000 человек, «из них молодежи 150-200 человек» [14, 198]. К этому времени приход Греческой Успенской церкви был одним из трех еще действующих православных приходов во Владикавказе.

Заключение под стражу священника Аристида Какулиди 15 декабря 1937 г. послужило поводом для прекращения деятельности Греческой религиозной общины Владикавказа [13, 25]. В этот день согласно директиве Наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 50215 от 11 декабря 1937 г. одновременно во всех краях, республиках и областях предписывалось произвести аресты лиц греческой национальности, подозреваемых в «шпионской, диверсионной, повстанческой и националистической антисоветской работе» [15, 114]. В Северной Осетии за два года в рамках «греческой операции» был арестован 61 представитель греческой диаспоры Владикавказа, 47 из них были осуждены (21 – в 1937–1938 гг., 26 – в 1939 г.), в том числе 19 приговорены к высшей мере наказания [15, 114]. В отношении настоятеля Греческой церкви Аристида Какулиди 29 октября 1939 г. Особым совещанием НКВД СОАССР дело было прекращено за отсутствием состава преступления [16, 306]. Пользуясь правом греческого подданства, священник вместе с большей частью семьи эмигрировал в Грецию. В начале 1938 г. имущество религиозной общины было перенесено в Ильинскую церковь Владикавказа на улице Ф. Дзержинского (на Мещанском кладбище) [13, 25].

В свою очередь точных сведений о судьбе грузинской религиозной общины нет. По одной из версий, «церковь продолжила функционировать, несмотря на предупреждение со стороны Горсовета» [13, 26] и только к началу 1933 г. ее помещение было предоставлено Артиллерийскому полку. По другой версии, вскоре после окончательного объявления о закрытии храма общине был предоставлен Никольский придел Свято-Успенского (Старого) собора, который находился неподалеку от храма святой Нины¹. В конце 1932 г. решением городских властей собор также был закрыт, а в 1936 г. разобран.

На каноническую принадлежность храма святой Нины обновленческому Священному синоду православных церквей в СССР в рассматриваемый период прямо указывает в своем письме патриарх-католикос Грузии Христофор III, переадресовывая в «Священный Синод Российской Православной Кафолической Церкви» письма членов Совета грузинской религиозной общины. Как известно, между Патриаршей Церковью и первоиерархами Грузинской Церкви в эти годы евхаристического общения не было, так как почти сразу после падения монархии в России 12 марта (по старому стилю) 1917 г. на Мцхетском соборе часть духовенства Грузинского экзархата, входившего в юрисдикцию Русской Церкви, в явочном порядке объявила о восстановлении своей былой автокефалии. В годы патриаршества святителя Тихона предпринимались попытки восстановления церковного мира, а сам патриарх давал понять грузинским иерархам, что их подход угрожает Церкви расколом. Историк Церкви протоиерей Александр Мазырин считает, что «святитель Тихон был далек от како-

го-то юрисдикционного эгоизма и в принципе не отвергал просьбы о переподчинении другим Поместным Церквам отдельных зарубежных церковных структур, ранее подчиненных Православной Российской Церкви» [17, 130-131]. Для патриарха Тихона и его сподвижников приоритетный характер имели пастырские, а не политические мотивы. Следует отметить, что, как и Российская, другие Православные Поместные Церкви не признавали неканоническую грузинскую автокефалию.

В свою очередь, в 1927 г. фактически состоялось взаимное признание обновленческого Священного синода и Грузинской Автокефальной Церкви. Избранный в этом же году католикос-патриарх Христофор III извещал синод в Москве о своем восшествии на престол, а 25 декабря 1927 г. уже сам синод, закрепляя взаимные признания, отправил на греческом языке «отношения Восточным Патриархам о признании автокефалии Грузинской Церкви» [18, 322-325]. Одним из ключевых вопросов признания самостоятельности Грузинской Церкви являлся вопрос о статусе русских православных общин на территории Католикосата, которые еще в 1922 г., создав свой временный орган управления, признали обновленческое ВЦУ в Москве. В итоге в конце 1927 г. окончательно оформилось вхождение русских православных приходов в Закавказье (обновленческих) в состав Грузинской Церкви – 11 общин на территории Грузии и 5 на территории Армении. Приходы подчинялись напрямую католикосу-патриарху, но сохраняли русский уклад церковной жизни. Председателем «Церковного управления русских православных общин Грузинского Католикосата» стал настоятель Тифлисской церкви Св. Иоанна Богослова протопресвитер Иоанн Лозовой [19, 65].

Таким образом, в 1928 г. прихожане храма святой Нины в своих письмах Христофору III могли полностью рассчитывать на его правомерные и авторитетные ходатайства перед высшими церковными и светскими властями, в частности, отмечая: «Имеем надежду на Бога и на Вас, Духовный Отец грузинского народа, и просим Ваше Святейшество, оказать заступничество и просим Председателя Союзного Центрального Исполнительного Комитета и Священный Синод Российской Православной Церкви о возвращении нашего храма и спасти столько грузин от религиозного и национального обезличения» [11, 133].

Что касается Константинопольской Церкви, то ее Священный Синод 1 марта 1922 г. принял решение «об обязательном и исключительном подчинении» ему диаспоры православного рассеяния и всех православных приходов и епархий, находящихся вне границ государств, в пределах которых пребывают Поместные Православные Церкви. Если ранее, согласно Томосу патриарха Иоакима III (1878–1884, 1901–1912) от 8 марта 1908 г., пастырское попечение над греческими общинами в диаспоре передавалось Элладской Церкви, то теперь общины греческой диаспоры переходили в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Важно отметить, что на тот момент это решение особенно негативно сказалось на положении приходов Русской Православной Церкви за пределами СССР. Так возникло не существовавшее ранее учение об особых юрисдикционных правах Константинопольского патриарха, якобы распространявшихся не только на греческую, но и вообще на всю православную диаспору в мире [20, 34].

Всего, помимо Успенского храма во Владикавказе, в 1920-1930-е гг. в СССР действовало четыре греческих храма, в той или иной степени подчинявшиеся Константинополю – Св. Дмитрия Солунского в Ленинграде, Свято-Троицкий в Симферополе, Трех Святителей в Севастополе и Благовещенский в Ростове-на-Дону [21, 114, 115, 133, 152]. Все они будут закрыты к концу 1930-х гг. [22, 23, 24].

Таким образом, греческий Успенский храм Владикавказа, не подчиняясь ни патриаршей, ни обновленческой юрисдикции, находился под омофором Константинопольского патриарха, предстоятели которого имели контакты с обновленческой церковью. Так, в августе 1922 г., уже через три месяца после начала раскола, на съезде «Живой церкви» в Москве в президиуме находились представители Константинопольского и Александрийского Патриархов архимандриты Иаков (Димопуло [Димопулос]) – дядя архимандрита Василия (Димопуло) – и Павел (Катаподис). В то же время патриарх Мелетий IV (1921–1923) первоначально не поддерживал обновленческое Высшее церковное управление и делал заявления в защиту арестованного патриарха Тихона [20, 45]. В дальнейшем патриарх Василий III (1925–1929) пытался сохранять своеобразный паритет в отношениях с Московским Патриархатом и обновленцами [20, 94]. Этой линии придерживался и его преемник патриарх Фотий II (1929–1935), состоявший в полном евхаристическом общении с обновленцами и подчеркнуто дистанцировавшийся от Московской Патриархии, хотя и не пошедший на явный разрыв с ней [20, 103].

Сложнее всего разобраться в церковной смуте было на местах. Так, в 1924 г. прихожане греческой Успенской церкви и храма Константина и Елены г. Владикавказа написали письмо Константинопольскому патриарху Григорию VII (1923–1924) с воцелом просом, «какому епископу подчиняться: Синодальному или Тихоновскому». Ответ был дан следующий: «единственно законным епископом является Синодальный» [25, 56]. Этот эпизод, отраженный в циркулярном письме заместителя председателя обновленческого Священного синода митрополита Вениамина (Муратовского) от 9 октября 1924 г., был использован в информационной войне против сторонников патриарха Тихона. В то же время, в последующем приход греческой Успенской церкви сохранил каноническую подчиненность Константинопольскому Патриархату.

Что же касается представителя Константинопольской Церкви в СССР архимандрита Василия (Димопуло), то он, находясь непосредственно в Москве, активно участвовал в обновленческих административных структурах, в том числе в 3-м Всероссийском поместном соборе октября 1925 г. В декабре того же года он признал Временный высший церковный совет и стал с ним сотрудничать. Важно отметить, что 20 октября 1926 г. им было направлено циркулярное письмо ко всем греческим приходам страны с требованием держаться обновленческой церкви. Но уже в мае 1927 г. он же признал Временный Патриарший Священный Синод при митрополите Сергии (Страгородском) и стал с ним сотрудничать [9, 144]. Иллюстрацией двойственности в действиях Константинопольского Патриархата в отношении церковного вопроса в СССР явились и торжественные богослужения в обновленческих храмах Ленинграда, которые совершил архимандрит Василий (Димопуло) в феврале 1929 г., «призывая верующих объединиться вокруг обновленческого Священного синода в связи с подготовкой к Вселенскому Собору» [20, 94-95].

В целом, учитывая дружественные взаимоотношения, установившиеся между СССР и победившим в Турции режимом Ататюрка, позиция Константинопольской Патриархии в отношении обновленческого раскола определялась в 1920-е – 1930-е гг. не столько церковно-каноническими принципами, сколько политическими факторами [20, 103]. Точно также и сам «обновленческий раскол 1920-х – 1940-х гг. был порожден не столько внутренними противоречиями в Церкви, сколько вмешательством государственных органов в церковную жизнь» [9, 34].

Несмотря на лавирование Константинополя между обновленческими структурами и Патриаршей Церковью важно констатировать, что община греческой Успенской

церкви в этот период не входила в состав обновленческой Владикавказской епархии, напрямую подчиняясь Вселенским патриархам через их московских представителей. Вполне возможно, что не является случайностью и тот факт, что греческая религиозная община не перешла ни в один из обновленческих храмов Владикавказа, заняв пустующий молитвенный дом Секты субботников (иудействующих).

На примере борьбы общин верующих за сохранение своих храмов можно проследить сложность и неоднозначность церковно-административных отношений в пределах современной Северной Осетии. Так, в первые послереволюционные десятилетия большая часть приходов входила в состав обновленческих Владикавказской (1923–1935) и Пятигорской (Терской) (1922–1936) епархий, которые являлись составными частями также обновленческой Северо-Кавказской (в 1927–1929 гг. Кавказской) митрополии (1924–1938). Одновременно на полуправильном и нелегальном положении продолжали существовать духовенство и приходы патриаршей сергиевской Церкви [26]. Такие общины существовали во Владикавказе, Моздоке, станице Архонской.

Еще большее разнообразие религиозному ландшафту добавляли владикавказские храмы, в местных советских документах часто определяемые не по признаку канонической принадлежности, а по этно-обрядовому принципу – Грузинский святой Нины и Греческий Успенский. Храм святой Нины, несмотря на примыкание к грузинской школе и окормление грузинской общины, не находился в юрисдикции Грузинской Православной Церкви, поэтому католикос-патриарх Грузии Христофор III направлял свои обращения в Священный синод православных церквей в СССР (обновленческой церкви). При этом греческий Успенский храм Владикавказа, не подчиняясь ни патриаршей, ни обновленческой юрисдикции, находился под омофором Константинопольских патриархов посредством их представителей в СССР, в то же время имевших контакты с обновленческой церковью.

Примечание:

1. Информация сообщена автору в личной беседе с заштатным священником Ильинского храма г. Владикавказа, духовником Северо-Осетинского благочиния священником Леваном Авдеевичем Темировым (1925-2013) 23.02.2008 г.

1. *Горбеев А.А.* История Русской Православной Церкви в Северной Осетии (1917-1924 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2004. 24 с.

2. *Пантюхин А.М.* Обновленческое движение Русской Православной Церкви в 20-40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя и Терека). Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2014. 280 с.

3. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 143. Оп. 2. Д. 341.

4. ЦГА РСО-А. ФР. 41. Оп. 1. Д. 24.

5. ЦГА РСО-А. ФР. 41. Оп. 2. Д. 1.

6. Лубянка Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). 1924. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/24616>

7. Лубянка Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). 1925. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/25127>

8. Лубянка Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). 1925. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/25133>

9. *Лавринов Валерий, прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: Об-во любителей церк. истории, 2016. 736 с.

10. Источники XVIII – начала XXI в. // Введение в историю Церкви. Ч. 3: Обзор источников по истории Церкви в России: в 2 кн. / Под ред. В.В. Симонова. СПб.: БАН, 2018. Кн. II. 488 с.
11. Жизнь православного духовенства и верующих Северной Осетии в 1917-1941 гг. Сб. док. / Авт.-сост. Б.А. Синанов. Владикавказ, ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2021. 167 с.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 64. Д. 441.
13. Шахбазов В.А. Как сооружались и закрывались культовые сооружения во Владикавказе. Новопавловск: [б.и.], 2008. 75 с.
14. Репрессивная политика советской власти в Северной Осетии (1920-1930-е гг.). Сб. док. и мат-лов / Авт.-сост. А.Т. Царикаев. Владикавказ, 2009. 320 с.
15. Царикаев А.Т. «Лимиты на расстрел»: из истории Большого террора в Северной Осетии // Былые годы. 2014. № 31 (1). С. 110-117.
16. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Владикавказ: Проект-Пресс, 2006. Т. 2. 678 с.
17. Мазырин А.В. Церковная дипломатия и межправославные отношения в эпоху гонений: опыт святого Патриарха Тихона // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2024. № 119. С. 120-135.
18. Мазырин А.В. Обновленческий раскол в Русской Церкви и Православный Восток: специфика взаимоотношений неканонической организации с Константинопольской Патриархией и другими Поместными Церквями: Дис. ... д-ра теологии. М., 2023. 496 с.
19. Мельникова И.Е. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. № 21-2. С. 60-68.
20. Шкаровский М.В. Константинопольская и Русская Церкви в период великих потрясений. 1910-е – 1950-е годы. Москва, 2019. 302 с.
21. Ковалева И.И., Буйских А.Е. Представленные во ВЦИК списки церквей, религиозных общин и молитвенных зданий городов России второй половины 1920-х годов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 2 (69). С. 101-152.
22. Шкаровский М.В. «Теперь так мало греков в Ленинграде, что мы сломали греческую церковь...» // Теория и практика регионоведения. Избранные статьи участников Анциферовских краеведческих чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. Т. IV. С. 354-365.
23. Хршановский В.А. Греческая церковь Св. Димитрия Солунского на Песках // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2024. № 16-1. С. 82-98.
24. Астапов А.А. Православные общины Симферополя в период Большого террора 1937-1938 годов // Труды Таврической духовной семинарии: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. О.А. Гривы. Симферополь, Таврич. духовн. сем., 2022. С. 36-48.
25. Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 12.
26. Синанов Б.А. «Тихоновский» молитвенный дом станицы Архонской: к истории церковного подполья в Северной Осетии (1920–1930) // Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления: Мат. межд. науч. конф. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН. 2017. С. 83-90.

Sinanov, Boris A. – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); <https://orcid.org/0009-0001-0568-1058>; boris-sinanov@yandex.ru

THE STRUCTURE AND FEATURES OF THE CHURCH-ADMINISTRATIVE LANDSCAPE OF NORTH OSSETIA IN THE 1920S–1930S.

Keywords: North Ossetia, Vladikavkaz, Russian Orthodox Church, Renovationism, Patriarchal Church, Georgian Church of St. Nina, Greek Dormition Church, Georgian Orthodox Church, Patriarchate of Constantinople.

This article analyzes the structure, characteristics, and dynamics of the church-administrative situation in the 1920s and 1930s within what is now North Ossetia. In the early 1920s, amidst an atmosphere of atheistic state policies and mass antireligious campaigns, church unity weakened, resulting in the emergence of two main currents, referred to in church-historical literature as the Renovationist Church (liberal) and the Patriarchal Church (conservative). Their views and actions differed in their attitude toward Soviet power, the form of supreme church governance, the marriage of the episcopate, the second marriage of clergy, and so on. Internal church unrest was actively supported by state security agencies, which placed their bets on Renovationism. The Renovationist movement of the 1920s and 1930s was significant. The Renovationist movement reached southern Russia and the North Caucasus, where the Renovationist North Caucasus (Caucasian) Metropolitanate was established in 1924, incorporating the Vladikavkaz and Pyatigorsk (Terek) dioceses. The ecclesiastical authority of these two Renovationist dioceses extended to the territory of today's North Ossetia. As the study demonstrates, the region's religious landscape was not limited to the Renovationist jurisdiction and the fragments of the Patriarchal Church of St. Sergius, whose parishes continued to exist on a semi-legal and even illegal basis. Materials from the State Archives of the Russian Federation (GARF), documenting the struggle of believers of the Georgian Church of St. Nina and the Greek Church of the Dormition of the Most Holy Theotokos in Vladikavkaz against the closure of their churches, help to more fully understand the diversity of canonical forms of subordination in the region. A key episode in the struggle between the two communities of believers to preserve their churches is their appeal for assistance not only to the highest secular but also to the highest ecclesiastical authorities—the Catholicos-Patriarch of Georgia and the representative of the Patriarch of Constantinople in the USSR. In the context of this, the article analyzes inter-Orthodox relations, which help to reveal the complexity and contradictions of the ecclesiastical question in the Russian Church, as well as the attitudes of other Local Orthodox Churches.

For citation: Sinanov, B.A. The structure and features of the church-administrative landscape of North Ossetia in the 1920s–1930s // *Izvestiya SOIGSI*. 2026. Iss. 60 (99). Pp. 38–52. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.99.60.012

References

1. Gorobets, A.A. *Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Severnoi Osetii (1917-1924 gg.)* [History of the Russian Orthodox Church in North Ossetia (1917-1924)]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in History). Vladikavkaz, 2004. 24 p.
2. Pantyukhin, A.M. *Obnovlencheskoe dvizhenie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v 20-40-e gg. XX v. (na materialakh Stavropol'ya i Tereka)* [The Renovation Movement of the Russian Orthodox Church in the 1920s–1940s (based on materials from Stavropol and Terek)]. Stavropol, AGRUS, Stavropol State Agrarian University, 2014. 280 p.
3. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (TSGA RSO-A)* [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 143. Inventory 2. Case 341.
4. TSGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 41. Inventory 1. Case 24.
5. TSGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 41. Inventory 2. Case 1.
6. *Lubyanka Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.)* [Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934)]. 1924. [Electronic resource]. URL: <https://istmat.org/node/24616>

7. *Lubyanka Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.)* [Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934)]. 1925. [Electronic resource]. URL: <https://istmat.org/node/25127>
8. *Lubyanka Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.)* [Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934)]. 1925. [Electronic resource]. URL: <https://istmat.org/node/25133>
9. Lavrinov, Valerii, prot. *Obnovlencheskii raskol v portretakh ego deyatelei* [The Renovationist schism in portraits of its leaders]. Moscow, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 2016. 736 p.
10. Simonov, V.V. (ed.). *Istochniki XVIII – nachala XXI v.* [Sources of the XVII – early XIX centuries]. *Vvedenie v istoriyu Tserkvi. Ch. 3: Obzor istochnikov po istorii Tserkvi v Rossii: v 2 kn.* [Introduction to the History of the Church. Part 3: Review of sources on the history of the Church in Russia: in 2 books]. St. Petersburg, Library of the Academy of Sciences, 2018, book II. 488 p.
11. Sinanov, B.A. (comp.). *Zhizn' pravoslavnogo dukhovenstva i veruyushchikh Severnoi Osetii v 1917-1941 gg. Sb. dok.* [Life of the Orthodox clergy and believers of North Ossetia in 1917-1941. Collection of documents]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2021. 167 p.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation (SARF)]. Fund 1235. Inventory 64. Case 441.
13. Shakhbazov, V.A. *Kak sooruzhalis' i zakryvalis' kul'tovye sooruzheniya vo Vladikavkaze* [How religious buildings were constructed and closed in Vladikavkaz]. Novopavlovsk, [n.p.], 2008. 75 p.
14. Tsarikaev, A.T. (comp.). *Repressivnaya politika sovetskoj vlasti v Severnoi Osetii (1920-1930-e gg.). Sb. dok. i mat-lov* [Repressive policy of the Soviet government in North Ossetia (1920s–1930s). Collection of documents and materials]. Vladikavkaz, 2009. 320 p.
15. Tsarikaev, A.T. “*Limity na rasstrel'”: iz istorii Bol'shogo terrora v Severnoi Osetii* [“Limits on execution”: from the history of the Great Terror in North Ossetia]. *Bylye gody* [Bylye gody]. 2014, no. 31(1), pp. 110-117.
16. *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii RSO-Alaniya* [Book of Remembrance of Victims of Political Repression in the Republic of North Ossetia-Alania]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2006, vol. 2. 678 p.
17. Mazyrin, A.V. *Tserkovnaya diplomatiya i mezhravoslavnye otnosheniya v epokhu gononii: opyt svyatogo Patriarkha Tikhona* [Church diplomacy and inter-Orthodox relations in the era of persecution: the experience of St. Patriarch Tikhon]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church]. 2024, no. 119, pp. 120-135.
18. Mazyrin, A.V. *Obnovlencheskii raskol v Russkoi Tserkvi i Pravoslavnyi Vostok: spetsifika vzaimootnoshenii nekanonicheskoi organizatsii s Konstantinopolskoi Patriarkhie i drugimi Pomestnymi Tserkvami* [The renovationist schism in the Russian Church and the Orthodox East: The specifics of the relationship of a non-canonical organization with the Patriarchate of Constantinople and other local churches]. Doctoral dissertation (in Theology). Moscow, 2023. 496 p.
19. Melnikova, I.Ye. *K istorii vosstanovleniya evkharisticheskogo obshcheniya Russkoi i Gruzinskoj Tserkvei v pervoi polovine XX v* [On the history of the restoration of Eucharistic communion between the Russian and Georgian Churches in the first half of the 20th century]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo guman-*

itarnogo universiteta [Annual theological conference of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University]. 2011, no. 21-2, pp. 60-68.

20. Shkarovsky, M.V. *Konstantinopol'skaya i Russkaya Tserkvi v period velikikh potryasenii. 1910-e – 1950-e gody* [The Constantinople and Russian Churches in the period of great upheavals. 1910s–1950s]. Moscow, 2019. 302 p.

21. Kovaleva, I.I., Buiskikh, A.E. *Predstavlennye vo VTsIK spiski tserkvei, religioznykh obshchin i molitvennykh zdaniy gorodov Rossii vtoroi poloviny 1920-kh godov* [Lists of churches, religious communities and prayer buildings of Russian cities in the second half of the 1920s submitted to the All-Russian Central Executive Committee]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church]. 2016, no. 2 (69), pp. 101-152/

22. Shkarovsky, M.V. "Teper' tak malo grekov v Leningrade, chto my slomali grecheskuyu tserkov'..." ["There are so few Greeks in Leningrad now that we've destroyed the Greek church..."]. *Teoriya i praktika regionovedeniya. Izbrannyye stat'i uchastnikov Antsiferovskikh kraevedcheskikh chtenii* [Theory and practice of regional studies. Selected articles by participants of the Antsiferov Regional Studies Readings]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University, 2020, vol. IV, pp. 354-365.

23. Khrshanovsky, V.A. *Grecheskaya tserkov' Sv. Dimitriya Solunskogo na Peskakh* [St. Demetrius of Thessaloniki on the Sands Greek Church]. *Novyi Germes. Vestnik antichnoi istorii, arkheologii i klassicheskoi filologii* [New Hermes. Bulletin of Ancient History, Archaeology, and Classical Philology]. 2024, no. 16-1, pp. 82-98.

24. Astapov, A.A. *Pravoslavnye obshchiny Simferopolya v period Bol'shogo terrora 1937-1938 godov* [Orthodox communities of Simferopol during the Great Terror of 1937–1938]. *Trudy Tavricheskoi dukhovnoi seminarii. Sb. nauch. st.* [Proceedings of the Taurida Theological Seminary. Collection of research articles]. Simferopol, Taurida Theological Seminary, 2022, pp. 36–48.

25. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy* [Moscow Central State Archives]. *Otdel khraneniya dokumentov do 1917 g.* [Department for the Storage of Documents before 1917]. Fund 2303. Inventory 1. Case 12.

26. Sinanov, B.A. "Tikhonovskii" molitvennyi dom stanitsy Arkhonskoi: k istorii tserkovnogo podpol'ya v Severnoi Osetii (1920–1930) ["Tikhonovsky" prayer house of the Arkhonskaya village: on the history of the church underground in North Ossetia (1920–1930)]. *Grazhdanskaya voina na Severnom Kavkaze: grani osmysleniya: Mat. mezhd. nauch. konf.* [Civil War in the North Caucasus: facets of understanding: Proceedings of the International Scientific Conference]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2017, pp. 83-90.